

ГОМЕЛЬ В ГОДЫ ОККУПАЦИИ

Так это было

Под гитлеровской оккупацией Гомель находился 838 дней. За это время было расстреляно более 50 тысяч его жителей (из 150 тысяч, проживавших здесь до войны), стерты с лица земли или превращены в руины 5100 самых лучших зданий — школы, больницы, театры, клубы, промышленные предприятия, музеи, библиотеки. Весь центр города в ноябре 1943 года представлял собой горы битого кирпича и другого строительного мусора. А ведь уличных боев в Гомеле при его освобождении не было: в ночь с 25 на 26 ноября гитлеровцы, боясь попасть в окружение, спешно покинули город. Но перед этим было 11 октября — день, когда части 48-й армии Центрального фронта освободили Новобелицу.

ЧЁРНАЯ ОСЕНЬ 43-ГО

Эту дату, по всей видимости, и следует считать датой начала планомерного разрушения Гомеля гитлеровцами, почувствовавшими, что город им все-таки придется оставлять.

Уже 13 октября в Гомеле была объявлена принудительная эвакуация мирного населения. По распоряжению гитлеровцев, она должна была завершиться к 17.00 14 октября. К полудню 14 октября на улицы города, разбитого на секторы, вышли солдаты штабной роты 530 пехотного полка, 299-го саперного батальона и других немецких подразделений. Жителей города прикладами погнали на сборочные пункты, а тех, кто высказывал малейшее неподчинение — отводили в сторонку и расстреливали, покидаемые дома и имущество подвергали разграблению. О масштабах этих расстрелов говорит хотя бы тот факт, что только штабной ротой 530 пехотного полка с 15.00 до 19.00 14 октября было уничтожено свыше 90 человек.

Многие люди, насильно угнанные из города, не желали покидать свои дома, тайком пробирались назад

в Гомель и прятались в жилищах. А потому 24 октября было объявлено о повторной принудительной эвакуации населения. На этот раз фашисты зверствовали с особой жестокостью: обнаруженных в своих домах женщин, стариков, детей расстреливали на месте, сгоняли в одно строение и заживо там сжигали. Все согнанные на сборочный пункт мужчины были отделены, в скотских условиях, в полугодном состоянии содержались под охраной в большом здании по улице Победы и использовались на строительстве оборонительных сооружений, погрузке угля и других работах.

Прочесывание города, расстрелы мирных жителей и сжигание их домов производились весь ноябрь. При этом уже 28 октября был отдан приказ о планомерном разрушении Гомеля: на подрыв или сожжение обрекались все большие здания. Выполнение задачи возлагалось на все тот же 299-й саперный батальон. Как показывал позже на допросах заместитель командира взвода 1-й роты этого батальона Генрих Гупе, только их рота

уничтожила за это время 105 зданий, в том числе 25 больших кирпичных.

К 26 ноября в центре Гомеля в более-менее нетронутом состоянии оставалось только кладбище, устроен-

ное гитлеровцами в центральном городском парке, хотя добрая половина деревьев была спилена и там, разрушены и разграблены часовня, дворец, другие строения, представляющие

историческую ценность. Эта маниакальная страсть, устраивать кладбища своих солдат на центральных площадях и в парках советских городов, была отмечена еще в сентябре 1941 года, когда в результате контрудара Красной Армии на короткое время была освобождена

Вязьма. Эту же особенность чуть позже, после битвы под Москвой, подметил в Можайске Илья Эренбург. "Немцы закапывали своих мертвецов, — писал известный публицист после фронтовой поездки в "Красной звезде", — не на кладбищах, не в сторонке, нет, на главных площадях русских городов. Они хотели нас унижить даже могилами. Они думали, что завоевали русские города на

немецком офицерском кладбище.

Уцелело, впрочем, и самое высокое здание Гомеля довоенной поры — семизэтажный Дом Коммуны, который одиноко торчал на фоне окружающих развалин бывшей улицы Комсомольской. Но заслуга в этом была далеко не фашистов, пожалевших здание. Как вспоминает бывшая гомельская подпольщица Софья Осипкова, при заминировании Дома Коммуны в ночь с 25 на 26 ноября был схвачен и пленен упомянутый в этой статье Генрих Гупе. Недалеко от Гомеля, в деревне Красное, еще и сегодня живет и здравствует бывший фронтовик Иван Георгиевич Фролов, ставший свидетелем обезвреживания смертоносной начинки, оставленной в этом здании гитлеровцами. Осуществлял процесс разминирования командир 4-й Белицкой ордена Суворова стрелковой дивизии Петр Федорович Кухарев. С предложением разместить на ДOME Коммуны мемориальную доску, увековечивающую имя человека, спасшего здание от разрушения, и предложил недавно в своем письме к городским властям бывший фронтовик Фролов.

Что касается "бравого" воюя Генриха Гупе, то 21 января 1944 года в ДOME промышленности по улице Пушкина его судили вместе с его прислужниками. Город начинал избавляться от мусора и грязи. **Николай ДЕМЧИХИН.**